

КАЙ БЕРД, МАРТИН ДЖ. ШЕРВИН

ОППЕНГЕЙМЕР

ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ
АМЕРИКАНСКОГО ПРОМЕТЕЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 53:929(73)
ББК 22.3г
Ш49

Kai Bird and Martin J. Sherwin
AMERICAN PROMETHEUS:
The Triumph and Tragedy of J. Robert Oppenheimer

Перевод с английского *С. Рюмина*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения Alfred A. Knopf, an imprint of The Knopf Doubleday Group, a division of Penguin Random House LLC.

Шервин, Мартин Дж.

Ш49 Оппенгеймер. Триумф и трагедия Американского Прометей / Кай Берд, Мартин Дж. Шервин ; [перевод с английского С. Рюмина]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 752 с.

ISBN 978-5-17-148712-6

Первая полная и подробная биография «отца атомной бомбы» Дж. Роберта Оппенгеймера — великого и харизматичного ученого, который создал оружие, способное уничтожить мир. Но, осознав последствия своей работы после трагедии Хиросимы и Нагасаки, он начал борьбу за международный контроль над ядерной энергией, а также яростно выступал против разработки водородной бомбы.

Оппенгеймера ненавидели высокопоставленные сторонники «ядерного превосходства США», за ним вел непрерывную слежку директор ФБР Эдгар Гувер, изучая каждый его шаг и каждое слово. Репутацию ученого целенаправленно уничтожали, записывая в изменники родины. Однако время все расставило по своим местам...

Его непростая жизнь — ключ к понимаю недавнего прошлого и осознанию ошибок, которых можно избежать в будущем.

УДК 53:929(73)
ББК 22.3г

© Kai Bird and Martin J. Sherwin, 2005

Школа перевода В. Баканова, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Содержание

Предисловие	9
Пролог	15

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

<i>Глава первая.</i> «Всякую новую мысль он воспринимал как само совершенство»	21
<i>Глава вторая.</i> «В своей темнице»	45
<i>Глава третья.</i> «Мне здесь довольно плохо».	59
<i>Глава четвертая.</i> «Работа, слава Богу, трудна и почти приятна»	76
<i>Глава пятая.</i> «Это я, Оппенгеймер»	90
<i>Глава шестая.</i> «Оппи»	104
<i>Глава седьмая.</i> «Ним-ним-мальчики»	120

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

<i>Глава восьмая.</i> «В 1936 году мои интересы начали меняться»	139
<i>Глава девятая.</i> «[Фрэнк] вырезал его и отправил»	159
<i>Глава десятая.</i> «Все более и более уверенно».	177
<i>Глава одиннадцатая.</i> «Я женюсь на вашей знакомой, Стив...»	189
<i>Глава двенадцатая.</i> «Мы перетягивали “Новый курс” на сторону левых»	205
<i>Глава тринадцатая.</i> «Координатор быстрого разрыва»	220
<i>Глава четырнадцатая.</i> «Дело Шевалье»	239

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

<i>Глава пятнадцатая.</i> «Он стал большим патриотом».	249
<i>Глава шестнадцатая.</i> «Слишком много секретности»	270
<i>Глава семнадцатая.</i> «Оппенгеймер говорит правду...»	286
<i>Глава восемнадцатая.</i> «Самоубийство, мотив не установлен».	301
<i>Глава девятнадцатая.</i> «Ты не хочешь ее удочерить?»	308
<i>Глава двадцатая.</i> «Бор был богом, а Оппи — пророком его»	323
<i>Глава двадцать первая.</i> «Воздействие “штучки” на цивилизацию»	333
<i>Глава двадцать вторая.</i> «Теперь мы все сукины дети»	348

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

<i>Глава двадцать третья. «Бедные человечки»</i>	375
<i>Глава двадцать четвертая. «Мне кажется, что мои руки запачканы кровью»</i>	387
<i>Глава двадцать пятая. «Люди могли бы разрушить Нью-Йорк»</i>	402
<i>Глава двадцать шестая. «У Оппи была красная сыпь, но теперь он приобрел иммунитет»</i>	420
<i>Глава двадцать седьмая. «Интеллектуальный отель»</i>	441
<i>Глава двадцать восьмая. «Он не мог понять, зачем это сделал»</i>	467
<i>Глава двадцать девятая. «Я уверена, что она именно поэтому бросала в него вещами»</i>	485
<i>Глава тридцатая. «Он держал свое мнение при себе»</i>	497
<i>Глава тридцать первая. «Недобрые слова об Оппи»</i>	516
<i>Глава тридцать вторая. «Ученый Икс»</i>	544
<i>Глава тридцать третья. «Зверь в чаше»</i>	553

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

<i>Глава тридцать четвертая. «Хорошего мало, правда?»</i>	583
<i>Глава тридцать пятая. «Боюсь, что все это — чистый идиотизм»</i>	596
<i>Глава тридцать шестая. «Проявление истерии»</i>	625
<i>Глава тридцать седьмая. «Черное пятно на гербе нашей страны»</i>	642
<i>Глава тридцать восьмая. «Я все еще чувствую на руках теплую кровь»</i>	657
<i>Глава тридцать девятая. «Это была настоящая сказка»</i>	674
<i>Глава сороковая. «Это следовало сделать на следующий день после “Тринити”»</i>	684
<i>Эпilog. «Второго такого, как Роберт, никогда не будет»</i>	702
<i>От автора — выражение благодарности. «Долгая дорога с Оппи»</i>	705
<i>Примечания</i>	713
<i>Библиография</i>	727
<i>Выражение признательности за предоставление иллюстраций</i>	748

*Посвящается Сюзан Голдмарк и Сюзан Шер-
вин, а также памяти Ангуса Кэмерона и Жана
Майера*

Современные Прометеи еще раз совершили набег на Олимп и вернули людям похищенные у Зевса молнии.

«Сайентифик мансли». Сентябрь 1945 года

Прометей украл у богов огонь и передал людям. Когда Зевс узнал об этом, он приказал Гефесту пригвоздить тело Прометея к Кавказскому хребту. Там, прикованный к скале, Прометей простоял связанным очень много лет, и каждый день орел, прилетая, выклевывал ему лопасти печени, которые за ночь отрастали вновь.*

Аполлодор. Мифологическая библиотека.
Книга I:7. II век до н. э.

* Перевод В. Боруховича. — Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.

ПРЕДИСЛОВИЕ

За четыре дня до Рождества 1953 года жизнь Роберта Оппенгеймера — карьера, доброе имя, даже собственная оценка своих заслуг — полетела в тартарары. «Со мной происходят невероятные вещи!» — воскликнул Роберт, глядя в окно машины, несущей его к дому адвоката в Джорджтауне, Вашингтон, округ Колумбия. Через несколько часов ему предстояло принять судьбоносное решение. Уйти с должностей консультанта в различных государственных ведомствах? Или оспорить обвинения, перечисленные в письме, которое Льюис Стросс, председатель Комиссии по атомной энергии (КАЭ), неожиданно-негаданно вручил ему после полудня? Письмо сообщало, что после повторного рассмотрения его позиций и предлагаемых им рекомендаций был сделан вывод о его неблагонадежности, и содержало список обвинений из тридцати четырех пунктов — от дурацкого «вы были завербованы в 1940 году как спонсор “Друзей китайского народа”» до политического «начиная с осени 1949 года вы категорически возражали против создания водородной бомбы».

Странное дело, но с самого момента ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки Оппенгеймер не мог избавиться от предчувствия, что над ним сгущаются грозовые тучи. Несколькими годами ранее, в конце 1940-х, к моменту, когда он достиг в американском обществе поистине звездного статуса наиболее заслуженного и уважаемого ученого и советника по вопросам государственной политики своего поколения и даже попал на обложки журналов «Тайм» и «Лайф», Оппенгеймер прочитал короткую повесть Генри Джеймса «Зверь в чаше». Он был совершенно потрясен историей одержимости и болезненного себялюбия главного героя, которого преследовало ощущение собственной предопределенности «для чего-то необыкновенного, разительного, возможно даже — ужасного, чудовищного, и что рано или поздно недоброе

предчувствие сбудется»*. Чем бы ни явилось это событие, Роберт заранее знал, что оно его «сокрушит».

По мере нарастания в послевоенной Америке волны антикоммунизма Оппенгеймер чувствовал, что «зверь в чаще» подкрадывается все ближе и ближе. Вызовы на слушания в занятые охотой на «красных» комитеты конгресса, «жучки» ФБР в домашних и офисных телефонах, лживые вбросы в прессе, порочащие его политическую репутацию и рекомендации, вызывали у него ощущение преследования. Участие в левом движении 1930-х годов в Беркли в сочетании с послевоенным сопротивлением планам ВВС массированных ядерных бомбардировок, которые он назвал геноцидом, раздражали многих влиятельных вашингтонских инсайдеров, среди них — директора ФБР Джона Эдгара Гувера и Льюиса Стросса.

В тот вечер в джорджтаунском доме Герберта и Энн Маркс наступило время взвесить шансы. Герберт был не только адвокатом, но и близким другом Оппенгеймера. Жена Герберта, Энн Уилсон Маркс, когда-то работала у Роберта секретаршей в Лос-Аламосе. В тот вечер, по наблюдениям Энн, их друг находился «на грани отчаяния». И все же после длительного обсуждения Оппенгеймер решил — не столько по убеждению, сколько от неизбежности, что, какой бы нечестной ни была игра, обвинения нельзя оставить без ответа. Поэтому они с Гербертом написали письмо «дорогому Льюису». В нем Оппенгеймер указал на призыв Стросса к добровольному увольнению. «В качестве приемлемой альтернативы вы предлагаете, чтобы я в одностороннем порядке расторгнул контракт консультанта Комиссии [по атомной энергии] и таким образом избежал бы публичного рассмотрения обвинений...» Оппенгеймер сообщил, что тщательно взвесил этот вариант. Однако «в сложившихся обстоятельствах, — продолжал он, — такой порядок действий означал бы, что я признаю и согласен с тем, что не пригоден к государственной службе, на которой я состоял последние двенадцать лет. Я не могу этого сделать. Будь я столь низок, я вряд ли бы мог служить моей стране так, как я служил, стать директором Института [перспективных исследований] в Принстоне и не единожды выступать от имени нашей науки и нашей страны».

К концу вечера Роберт устал и пришел в уныние. Выпив пару бокалов спиртного, он поднялся наверх в гостевую спальню. Через

* Перевод Э. Линецкой.

несколько минут Энн, Герберт и жена Роберта Китти, приехавшая в Вашингтон вместе с мужем, слышали «страшный грохот». Прибежав наверх, они застали спальню пустой, а дверь в санузел запертой изнутри. «Я не могла ее открыть, — рассказывала потом Энн, — а Роберт не отвечал».

Ученый потерял сознание, заблокировав своим туловищем вход. Постепенно хозяева дома отодвинули дверью обмякшее тело гостя в сторону. Когда Роберт пришел в себя, то, по воспоминаниям Энн, «что-то мямлил». Он признался, что принял таблетки снотворного, выписанного для жены. «Не давайте ему заснуть», — предупредил по телефону врач. Почти час, дожидаясь приезда врача, они гуляли с Робертом по дому и отпаивали его кофе.

«Зверь», отслеживавший Роберта, наконец прыгнул. Начались тяжелые испытания, положившие конец его карьере, но странным образом укрепившие его репутацию и обеспечившие ему добрую память предков.

Путешествие Роберта из Нью-Йорка до Лос-Аламоса, штат Нью-Мексико, от неизвестности к славе, ознаменовалось участием в великих схватках и победах горячей и холодной войны XX века в области науки и социальной справедливости. Его жизнь направляли выдающийся интеллект, родители, учителя Школы этической культуры и юношеские впечатления. Свое профессиональное развитие Роберт начал в 1920-е годы в Германии, где изучал квантовую физику — новую науку, которую он полюбил и всячески пропагандировал. В 1930-е годы, когда он создавал лучший в Соединенных Штатах научный центр при Калифорнийском университете в Беркли, его глубоко волновали последствия Великой депрессии у себя дома и разгул фашизма за рубежом. Он активно сотрудничал с друзьями — среди них было много как попутчиков, так и настоящих коммунистов — в борьбе за экономическое и расовое равноправие. Это были лучшие годы его жизни. Десятилетие спустя эти же события были использованы, чтобы заткнуть ему рот, — хорошее напоминание о том, как нелегко удержать баланс демократических принципов, которых мы придерживаемся, и как тщательно их следует оберегать.

Травля и унижения, пережитые Оппенгеймером в 1954 году в разгар маккартизма, обрушились не на него одного. Однако он был наиболее известной их жертвой. Оппенгеймер стал Прометеем Америки, «отцом атомной бомбы», возглавившим борьбу за

то, чтобы вырвать у природы страшный солнечный огонь и обратить его на службу стране в лихое военное время. Потом Роберт прозорливо оценит исходящую от него угрозу, не теряя надежды на потенциальную пользу, и наконец начнет отчаянно критиковать планы ядерной войны, принятые военными и поддержанные кабинетными стратегами: «Как относиться к цивилизации, всегда считавшей этику непременной частью жизни человека, но не способной обсуждать перспективу уничтожения практически всего живого кроме как языком умствования и теории игр?»

В конце 1940-х годов, после охлаждения американско-советских отношений, настойчивое стремление Оппенгеймера ставить столь щекотливые вопросы сильно тревожило вашингтонский истеблишмент, отвечавший за национальную безопасность. В 1953 году в Белый дом вернулись республиканцы, и у рычагов власти в Вашингтоне встали сторонники массированного ядерного возмездия — такие, как Льюис Стросс. Стросс и его соратники вознамерились заткнуть рот человеку, который, как они опасались, в одиночку мог развенчать их политику.

Нападая на политические взгляды и профессиональные суждения Оппенгеймера, на его жизнь и ценности, его критики вскрыли в 1954 году многие противоречия в характере ученого: амбициозность и неуверенность в себе, гениальность и наивность, настойчивость и пугливость, стоицизм и растерянность. Много можно почерпнуть из более тысячи напечатанных плотным шрифтом страниц досье совета КАЭ по кадровой безопасности под названием «Дело Дж. Роберта Оппенгеймера». В то же время расшифровка стенограмм слушаний показывает, как мало противники Оппенгеймера сумели преодолеть эмоциональную броню этого непростого человека, которой он окружил себя с ранней молодости. «Американский Прометей» исследует загадочную личность, скрывающуюся за этой броней, прослеживая жизненный путь Роберта с раннего детства в нью-йоркском районе Верхний Вест-Сайд в начале XX века до его смерти в 1967 году. Эта глубоко личная биография исследована и написана с верой в то, что общественное поведение человека и его политические решения (а в случае с Оппенгеймером и научные тоже) диктуются личными впечатлениями, накапливаемыми в течение всей жизни.

«Американский Прометей» четверть века создавался на основе многих тысяч страниц документов из архивов и личных собраний

в США и за рубежом. В создании книги использовано обширное письменное наследие самого Оппенгеймера, хранящееся в Библиотеке конгресса, и тысячи страниц из досье ФБР, накопившиеся за четверть века слежки. Мало кто из публичных фигур подвергался столь дотошной проверке. Читатели «услышат» зафиксированные звукозаписывающей аппаратурой ФБР и транскрибированные слова Роберта. Даже архивные записи рассказывают о человеке не всю правду, поэтому мы взяли интервью у сотен близких друзей, родственников и коллег Оппенгеймера. Многих из тех, кто отвечал на наши вопросы в 1970-е и 1980-е годы, больше нет в живых, однако рассказанные ими истории рисуют подробный портрет удивительного человека, который ввел нас в ядерный век и безуспешно боролся — как до сих пор пытаемся бороться мы сами — за то, чтобы навсегда устранить угрозу ядерной войны.

История жизни Оппенгеймера напоминает, что наша сегодняшняя идентичность остается тесно связанной с культурой атома. «С 1945 года бомба владеет нашим сознанием, — писал Э.Л. Доктору. — Сначала она стала нашим оружием, затем — нашей дипломатией, а сейчас она воплощена в нашей экономике. Да и можем ли мы помыслить, что нечто чудовищно мощное после прошедших многих лет не составляет существо нашей идентичности? Великий голем, сотворенный нашими руками против наших врагов, и есть наша культура, наша культура бомбы — ее логика, ее вера, ее прозрение». Оппенгеймер мужественно стремился оторвать нас от культуры бомбы посредством сдерживания ядерной угрозы, которую сам же помог выпустить на волю. Его наиболее выдающимся вкладом стал план передачи ядерной энергии под международный контроль, получивший известность как «Доклад Ачесона — Лилиенталя» (на самом деле его почти полностью составил и написал Оппенгеймер). Доклад остается уникальным образцом рационального подхода ядерного века.

Увы, внутренняя и внешняя политика времен холодной войны обрекла этот план на провал, и Америка вместе с другими странами на следующие полвека возвела бомбу в культ. С окончанием холодной войны угроза взаимного ядерного уничтожения, казалось бы, миновала, однако по иронии судьбы угроза ядерной войны и ядерного терроризма в XXI веке стоит острее прежнего.

В эпоху, наступившую после 11 сентября, стоит вспомнить, что отец атомной бомбы еще на заре ядерного века предупреждал нас: бомба, будучи оружием неизбежного устрашения, немедленно

но сделала Америку более уязвимой к неспровоцированному нападению. Когда его спросили на закрытом слушании в Сенате в 1946 году, «способны ли три-четыре человека тайно ввезти [атомную] бомбу частями в Нью-Йорк и взорвать весь город», Оппенгеймер четко ответил: «Разумеется, это можно сделать, и люди могут разрушить Нью-Йорк». На вопрос озадаченного сенатора: «Какой инструмент нужен, чтобы обнаружить атомную бомбу, спрятанную в городе?» — Оппенгеймер съязвил: «Отвертка [чтобы вскрыть каждый ящик и каждый чемодан]». Единственной защитой от ядерного терроризма могло служить лишь полное уничтожение ядерного оружия.

Предостережения Оппенгеймера были проигнорированы, потом заткнули рот и ему самому. Подобно мятежному греческому богу Прометею, укравшему огонь у Зевса и отдавшего его людям, Оппенгеймер даровал нам огонь атома. Но когда он попытался взять свой подарок под контроль, открыть нам глаза на страшную опасность, власть предержавшие, как в свое время Зевс, разгневались и наказали отступника. Как писал Уорд Эванс, член дисциплинарного комитета Комиссии по атомной энергии, голосовавший против общего решения, лишение Оппенгеймера секретного допуска оставило «черное пятно на гербовом щите нашей страны».

ПРОЛОГ

Черт, так уж вышло, что я влюблен в эту страну.

Роберт Оппенгеймер

Принстон, Нью-Джерси, 25 февраля 1967 года. Несмотря на обещанную бурю и лютый холод, охвативший Северо-Восток, шесть сотен друзей и коллег, нобелевские лауреаты, политики, генералы, ученые, поэты, писатели, композиторы и знакомые из разных слоев общества собрались, чтобы помянуть жизнь и оплакать смерть Дж. Роберта Оппенгеймера. Некоторые помнили его как терпеливого учителя и с нежностью называли Оппи. Другие знали его как великого физика, человека, ставшего в 1945 году «отцом» атомной бомбы, национального героя и блестящий образец ученого на службе государства. Все с горечью помнили: всего через девять лет после создания бомбы новая республиканская администрация президента Дуайта Д. Эйзенхауэра объявила, что Роберт Оппенгеймер представляет собой угрозу национальной безопасности, из-за чего ученый стал самой известной жертвой антикоммунистической охоты на ведьм в США. Гости собрались с тяжелым сердцем почтить память гения, познавшего в своей удивительной жизни как триумфы, так и трагедии.

Нобелевские лауреаты были представлены всемирно известными физиками Исидором А. Раби, Юджином Вигнером, Джулианом Швингером, Ли Чжэндао и Эдвином Макмилланом. Дочь Альберта Эйнштейна Марго приехала почтить память бывшего начальника ее отца в Институте перспективных исследований. Приехал и Роберт Сербер, учившийся у Оппенгеймера в Беркли в 1930-е годы, близкий друг и ветеран Лос-Аламоса, а также великий физик из Корнеллского университета Ханс Бете, нобелевский лауреат, исследователь «внутренней кухни» Солнца. Эрва Денхэм Грин, соседка с тихого карибского острова Сент-Джон, где после

публичного унижения 1954 года Оппенгеймеры построили пляжный коттедж, бок о бок сидела со светильниками американской внешней политики — юристом и советником многих президентов Джоном Дж. Макклоем, военным руководителем Манхэттенского проекта, генералом Лесли Р. Гровсом, министром ВМС Полом Нитце, лауреатом Пулитцеровской премии, историком Артуром Шлезингером и сенатором от Нью-Джерси Клиффордом Кейсом. Президент США Линдон Б. Джонсон прислал своего консультанта по науке Дональда Ф. Хорнига, ветерана Лос-Аламоса, который присутствовал вместе с Оппенгеймером на испытаниях первой в истории атомной бомбы под кодовым названием «Тринити» 16 июля 1945 года. Ряды ученых и вашингтонских элитариев перемежали литераторы и деятели культуры — поэт Стивен Спендер, писатель Джон О'Хара, композитор Николай Набоков, директор балетной труппы Нью-Йорка Джордж Баланчин.

Во время сдержанной панихиды в первом ряду актового зала «Александр-холл» Принстонского университета сидела вдова ученого Кэтрин «Китти» Пюнинг Оппенгеймер. Ее сопровождали дочь Тони двадцати двух лет и сын Питер двадцати пяти лет. Место рядом с Питером занимал младший брат Роберта Фрэнк Оппенгеймер, чья карьера физика тоже утонула в водовороте маккартизма.

В зале прозвучали «Заупокойные песнопения» Игоря Стравинского, с чьим творчеством Роберт впервые познакомился в этом самом зале осенью предыдущего года. Затем Ханс Бете, знавший Оппенгеймера тридцать лет, произнес первую из трех траурных речей. «Он совершил больше любого другого человека, — сказал Бете, — для величия американской теоретической физики. <...> Он был лидером. <...> Но не ставил себя выше других, никогда не навязывал свою волю. Он помогал нам раскрыть свой потенциал, играя роль доброго хозяина, принимающего гостей...» В Лос-Аламосе Оппенгеймер вел за собой тысячи сотрудников в неформальном соревновании с немцами за то, чтобы первыми создать атомную бомбу, превратил девственное плоскогорье в лабораторию, а разношерстную группу ученых — в слаженную команду. Бете и другие ветераны Лос-Аламоса хорошо знали, что без Оппенгеймера пресловутую «штучку», изготовленную в Нью-Мексико, не успели бы закончить вовремя до окончания войны.

Вторую траурную речь произнес Генри Девульф Смит, физик и сосед Роберта по Принстону. В 1954 году этот ученый был единственным из пяти членов Комиссии по атомной энергии, кто

проголосовал за возвращение Оппенгеймеру секретного допуска. В качестве непосредственного участника закрытого слушания о секретном допуске Смит мог наблюдать вблизи, через какое издательство пришлось пройти Оппенгеймеру: «Такое зло невозможно исправить, такое пятно на нашей истории невозможно вывести. <...> Мы сожалеем, что его так скверно отблагодарили за великий труд на благо страны...»

Наконец настал черед выступления Джорджа Кеннана, ветерана дипломатии, бывшего посла, отца послевоенной американской политики сдерживания Советского Союза, давнего друга и соратника Оппенгеймера по Институту перспективных исследований. Ни один человек не повлиял на представления Кеннана о бесчисленных угрозах ядерного века больше, чем Оппенгеймер. В нем Кеннан нашел лучшего друга, взявшего под защиту его труд и приютившего его в Институте, когда несогласие с американской политикой периода холодной войны сделало его парией в Вашингтоне.

«Дилеммы, вызванные победами человечества над силами природы, не подкрепленные нравственной твердостью, — сказал Кеннан, — жестоко давили на него, как ни на кого другого. Никто не видел угрозу человечеству, порожденную этим растущим несоответствием, лучше него. Эта тревога ни разу не поколебала его веры в важность поиска истины — и научной, и общечеловеческой. В то же время не было другого человека, более горячо желающего предотвратить катастрофу, к которой грозила привести разработка оружия массового поражения. Роберт заботился об интересах всего человечества, однако наибольшую возможность для осуществления этих устремлений видел в своем статусе американского гражданина, сына великой нации.

Когда в темные времена в начале пятидесятых его со всех сторон осаждали неприятности и он находился в эпицентре конфликта, я высказал мнение, что его бы с радостью приняли в любом из сотен научных центров за рубежом, и спросил, не задумывался ли он о переезде. Со слезами на глазах он ответил: “Черт, так уж вышло, что я влюблен в эту страну”^{*}».

Роберт Оппенгеймер был загадкой, физиком-теоретиком, выдающимся харизматичным лидером и одновременно эстетом,

^{*} Кеннан был глубоко тронут энергичной реакцией Оппенгеймера. Бывший дипломат пересказал эту историю в 2003 году, отмечая сотую годовщину со дня рождения. На этот раз слезы стояли в *его* глазах. — *Примеч. авторов.*